

Хэйнза Стюарда, который создал научное направление культурной экологии. Целью данного направления было исследование социальных систем с точки зрения их адаптации к окружающей среде. Согласно культурной экологии, окружающая среда является добавлением, фактором, способствующим приданию формы культурам. Поскольку ни одна культура до сих пор не приспособилась настолько хорошо к окружающей среде, чтобы превратиться в статичную, то процесс культурной адаптации непрерывен. Историк, географ, этнолог, философ, представитель русского космизма Л.Н. Гумилёв показал неразрывную связь человека, культуры, этноса: «Культура – это создание людьми... Культура существует, но не живёт, ибо введения в неё творческой энергии людей она может либо сохраняться, либо разрушаться... А этногенез? Это то условие, без которого создание или восстановление культуры невозможно. Ведь культуры – дело рук людей, а в нашем мире нет человека без этноса. Создание же этноса и его развитие, т.е. этногенез, – это как бы подключение тока к остановившемуся мотору, после чего он снова начинает работать» [3, с. 275].

Философско-антропологический анализ проблемы личности человека и культуры раскрыл понятие человека как культурного человека, показал значимость развития человека в культуре и для культуры, заложил основы дальнейшего развития человека как человека культуры, определил необходимость дальнейшей разработки проблемы культурной компетентности личности. Культурно компетентная личность будущего специалиста будет способствовать успешному осуществлению диалога культур в эпоху глобальных рисков.

Литература и источники

1. Розин, В.М. Философия образования: Этюды-исследования. – М., 2007.
2. Баранова, А.С. Формирование культурной компетентности будущего специалиста в условиях глобального образования // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 24–25 апр. 2013 г.: в 5 ч. Ч.1/отв. ред. Н.П. Баранова. – Минск, 2013. – С. 12–14.
3. Бобахо, В.А. Культурология: Программа базового курса, хрестоматия, словарь терминов / В.А. Бобахо, С.И. Левикова. – М., 2000.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАБОТЫ К. МАРКСА «ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ» В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Берков В. Ф. (Минск, Беларусь)

В советской литературе взгляд на идеи, заложенные в работе К. Маркса «Тезисы о Фейербахе», формировался прежде всего под влиянием таких произведений, как «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) и «Карл Маркс» (1914). В.И. Ленина. Вследствие этого данные идеи не получили адекватной интерпретации.

Создается впечатление, что Ленин по каким-то причинам даже избегал

This document has been
edited with Infix PDF Editor
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

цитирования или хотя бы изложения полного содержания первого тезиса, который гласит: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Поэтому *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась абстрактно идеализмом – который, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [1]. В статье же Ленина «Карл Маркс» читаем: «Основным недостатком "старого", в том числе и фейербаховского (а тем более "вульгарного", Бюхнера-Фогга-Мошотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был "преимущественно механическим", не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они "сущность человека" понимали абстрактно, а не как "совокупность" (определенных конкретно-исторических) "всех общественных отношений" и потому только "объясняли" мир, тогда когда дело идет об "изменении" его, т.е. не понимали значения "революционной практической деятельности"» [2].

Как видим, начало приведенного фрагмента по смыслу в своей основе совпадает с марксовым первым тезисом о Фейербахе – и там, и здесь речь идет о недостатке «старого» материализма. Но затем Ленин как бы отстраняется от «Тезисов...». Из поля его внимания исчезает категория практики как ключевое понятие нового мировоззрения, не упоминается об ограниченности свойственного домарксовским материалистам созерцательного подхода (когда считается, что в основе знания лежит простое причинное воздействие внешних материальных предметов на человека), выражение значение «революционной практически-критической деятельности» заменяется на выражение «революционная практическая деятельность» (что в смысловом отношении не одно и то же), и речь фактически идет о том, чего в «Тезисах...» нет. Маркс, например, не утверждал, что поскольку «они (кто "они" – не ясно. – В.Б.) "сущность человека" понимали абстрактно, а не как "совокупность всех общественных отношений", постольку только "объясняли" мир, тогда как речь идет об "изменении" его». Ленин же считает отмеченную здесь зависимость как безусловно принятую Марксом.

В советские времена не было принято обсуждать и, более того, критиковать Ленина. Любые его высказывания, способы постановки и разрешения вопросов обычно воспринимались как истины в последней инстанции и подвергались неумеренному, чрезмерному восхвалению. Что касается категории практики, то в литературе долгие годы дело не шло дальше повторения или осторожных комментариев положений, извлеченных прежде всего из его работы «Материализм и эмпириокритицизм».

Положение стало меняться лишь в 60-е годы прошлого столетия. Были предприняты плодотворные попытки переосмысления всего философского наследия марксизма, особенно под воздействием опубликованных тогда на русском языке ранних рукописей Маркса. В «прорывных» работах Г.П. Щедровицкого, В.С. Стёпина, И.С. Алексеева, Э.Г. Юдина, В.М. Межуева и др. было показано, что проблема происхождения теоретического знания, принципы и способы его построения могут быть осознаны только с позиций заложенной Марксом фундаментальной идеи о практической природе познавательного процесса. Исследователи приходят к выводу, что Маркс создал совершенно новый тип онтологии, в центре которой – учение о мире не как об объекте познания, а как о результате «субъективной» практической деятельности людей. Как пишет В.М. Межуев, «его материализм <...> практический: вся материальная действительность приравнивается здесь не к природе, а к человеческой практике, отождествляется с практикой» [3, с. 286]. У Маркса и Энгельса действительность есть «открытый вопрос», если она не освоена практически. Опережение практики познанием носит лишь гипотетический характер.

Большая исследовательская работа была проделана по обоснованию тезиса о том, что знание «в форме объекта» является производным, вторичным, выводным по отношению к знанию о предмете как «сгустку» человеческого труда, к знанию «в форме деятельности». Подобно тому, как объективные характеристики всякой человеческой деятельности опредмечиваются и «угасают» в свойствах ее продуктов, знание «в форме деятельности» опредмечивается и кристаллизуется в знании «в форме объекта». Представляя собой результат познания, знание «в форме объекта» трактуется не только «старым», но и нынешним созерцательным материализмом и соответствующей ему методологией как внутренне присущее предмету без какого бы то ни было отношения к породившей его практической деятельности. Установка созерцательного материализма на «субстанциализацию» отдельных вещей является познавательно ограниченной и потому объективной лишь по видимости.

Поэтому вряд ли можно считать достаточно обоснованным санкционированное высокими партийными инстанциями и господствовавшее в советской философской литературе положение о том, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» «...всесторонне разработал марксистскую философию» [4, с. IX]. Видимо, можно лишь утверждать, что он существенно пополнил концепцию домарксовского материализма, поскольку махизм в этом произведении подвергнут острой критике без обращения к деятельностному (практическому) принципу с его богатым понятийно-терминологическим аппаратом («деятельность», «цель», «средство», «результат», «мотив», «интерес», «субъект деятельности», «предмет деятельности» и т.д.).

Необходимость философского осмысления процессов, происходящих в эпоху крайнего обострения общественных противоречий и приведших к мировой войне, потребовала выхода за узкие рамки гносеологизма, в сферу

онтологии. Выбор Ленина пал (не без влияния оценок Маркса и Энгельса) на учение Гегеля и, прежде всего, на его «Науку логики». Если в «Материализме и эмпириокритицизме» центральной категорией является категория отражения, то в «Философских тетрадах» и ряде последующих произведений происходит сдвиг интересов Ленина на вопросы, связанные с активностью человеческого сознания, с их теоретическим обоснованием и историко-научной проверкой. Его высказывания уже созвучны как мыслям Гегеля в «Науке логики», так и утверждениям Маркса в его «Тезисах...» и других произведениях. Однако в «официальной» советской философской литературе, в учебном процессе долгие годы оставались господствующими идеи, заложенные в «Материализме и эмпириокритицизме».

Хотя предназначавшиеся для всеобщего усвоения идеи «официальной философии» превалировали в соответствующей литературе, однако все громче заявляли о себе авторы, стремившиеся, при опоре на деятельностную (практическую) методологическую концепцию, переосмыслить наследие классиков марксизма. Серьезную поддержку они находили у многих представителей частных наук – у психологов, педагогов, историков, социологов, экономистов, естествоиспытателей.

Литература и источники

1. Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1974. – Т. 42.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1980. – Т. 26.
3. Межуев, В.М. Историческая теория Маркса и современность // Философское сознание: драматизм обновления. – М., 1991. – С. 279–306.
4. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Предисловие // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1973. – Т. 18. – С. VII–XXII.

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ТРЕНД В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Вансович И. Э. (Минск, Беларусь)

Сегодня мировое сообщество переходит на новую стадию своего развития – информационного общества. На данном этапе развития основополагающей ценностью для общества становится знание. В связи с этим, возникает и настоятельная необходимость в критической рефлексии над знаниями и способами их получения. Во многом, именно это обстоятельство и обусловило оформление в середине XX в. постклассической эпистемологии в различных ее вариациях, каждая из которых по-своему интерпретирует сущность и природу познания.

Одним из наиболее репрезентативных вариантов постклассической эпистемологии, безусловно, является социальная эпистемология, возникновение и оформление которой относят к 70-ым гг. XX в. и связывают с такими именами как Д. Блур, С. Фуллер и Э. Голдман. Специфика социальной эпистемологии, по сравнению с другими вариантами